

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-67

УДК 811.161.1:821.161.1: 659.4:316.77

Научная статья / Research article

«Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социо-культурном и «игровом поле» современных медиа

Е.Н. Ремчукова , Л.А. Кузьмина

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 remchukova-en@rudn.ru

Аннотация. Прецедентные культурные знаки с источником цитирования «русская классическая литература» широко востребованы в современном медиапространстве — как в профессиональных, так и в социальных медиа. Проблема выявления причин этой востребованности и особенностей функционирования данных специфических культурных знаков в канонической и в трансформированной форме рассматривается в статье в контексте рецепции творчества Ф.М. Достоевского в современных медиатекстах. Вместе с тем поднимается и вопрос о характере трансформаций хрестоматийных прецедентных знаков в функции авторской оценки актуальных социально-значимых событий. Целью данного исследования стало выявление двух тенденций, которые характерны как для профессиональных медиа, так и для социальных, — тенденции к трансформации прецедентных феноменов разного рода (прецедентных онимов, высказываний, ситуаций) с целью создания комического эффекта и языковой игры, с одной стороны, и тенденции к осмыслению содержания культурного знака для аргументации авторской позиции — с другой. Материалом исследования послужили полученные методом сплошной выборки, а также с помощью НКРЯ (Национальный корпус русского языка) различные по жанровой принадлежности и общественно-политической окраске медиатексты, в которых содержатся прецедентные феномены со сферой-источником «Ф.М. Достоевский», опубликованные в российских печатных изданиях, а также размещенные в социальных медиа. Проведенное исследование позволило представить «прецедентный мир» Ф.М. Достоевского, отраженный в медиаисточниках, в аспекте собственно лингвистическом (с точки зрения характера языковых трансформаций и их взаимодействия с контекстом) и лингвоэтическом (с точки зрения этической корректности свободного обращения с хрестоматийными знаками высокой культуры). В результате анализа удалось выявить различные способы актуализации прецедентных культурных знаков в разных медиажанрах и установить, что тиражирование «прецедентных клише» в цифровой медиасреде приводит к обесцениванию содержания культурного знака, в то время как в общественно-политической аналитической прессе, напротив, оказывается востребованным его идейное и философское содержание, актуальное для осмысления событий, происходящих в стране и в мире, и «вечных» вопросов бытия.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, прецедентные культурные знаки, прецедентный мир, медиапространство, трансформации, лингвоэтика

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

© Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А. «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социо-культурном и «игровом поле» современных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 45—67. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-67>

UDC 811.161.1:821.161.1: 659.4:316.77

The “Precedent World” of F.M. Dostoevsky in the Socio-Cultural and “Playing Ground” of Modern Media

Elena N. Remchukova , Luiza A. Kuzmina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

remchukova-en@rudn.ru

Abstract. Precedent cultural signs from the citation source “Russian classical literature” are in wide demand in the modern media space, including both professional and social media. This article studies the problem of identifying the reasons for this demand and the functioning features of these specific cultural signs in canonical and transformed forms in the context of the reception of works by F.M. Dostoevsky in modern media texts. The article also raises the question of the nature of transformations of textbook precedent signs functioning as the author’s evaluation of current social events. The aim of this research is to identify two trends that are characteristic of both professional and social media. On the one hand, it is the trend to transform various precedent phenomena (precedent onyms, utterances, situations) in order to create a comic effect and a language game. On the other hand, it is the trend to comprehend the content of a cultural sign for the argumentation of the author’s position. The material of the research is constituted by media texts of different genres and with varying socio-political connotation which contain precedent phenomena from the “F.M. Dostoevsky” source sphere and which are published in Russian print media, as well as posted on social media. These media texts were obtained using the manual sampling method and with the help of the Russian National Corpus. The research made it possible to present the “precedent world” of F.M. Dostoevsky reflected in media sources in proper linguistic terms (from the point of view of the nature of linguistic transformations and their interaction with the context) and in linguoethical terms (from the point of view of the ethical correctness of free use of textbook signs of high culture). The analysis resulted in the identification of various ways of foregrounding precedent cultural signs in different media genres. It also helped establish that the replication of “precedent clichés” in the digital media environment leads to devaluation of the content of a cultural sign, while the socio-political analytical press, on the contrary, shows demand for its message, its social and philosophical content, which is relevant for understanding the events taking place in the country and in the world, and the “eternal” questions of life.

Key words: F.M. Dostoevsky, precedent cultural signs, precedent world, media space, transformations, linguoethics

Article history:

Received: 01.09.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Remchukova, E.N. & Kuzmina, L.A. (2022). The “Precedent World” of F.M. Dostoevsky in the Socio-Cultural and “Playing Ground” of Modern Media. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 45—67. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-67>

Введение

В связи с широким использованием в современном медиапространстве прецедентных знаков с источником «русская классическая литература» **актуальным** представляется целый ряд вопросов, касающихся текстов русской классической литературы, которые чаще всего становятся источником широкого и «произвольного» цитирования. Особенно важным является вопрос о сохранении прецедентным знаком своей культурной значимости в условиях такой «эксплуатации», которая состоит в том, что он подвергается различным структурным и смысловым трансформациям.

Проблема рецепции русской литературы на вербальном уровне в языке современных медиа находится в зоне пересечения интересов медиалингвистики, лингвокультурологии и лингвэтики, так как следствием активного функционирования прецедентных культурных знаков становится этически некорректное обращение с ними. Эта проблема обостряется в современном digital-пространстве, которое характеризуется неоднородностью и противоречивостью. С одной стороны, в нем наблюдается тенденция к предельному упрощению, обесцениванию знаков высокой культуры — они становятся «жертвой» снижения уровня массовой культуры: бесконечно тиражируются, используются в качестве сомнительной шутки, становятся объектом примитивной языковой игры [см. об этом 1; 2]. С другой стороны, в современной публицистике профессиональных медиа, как и в качественных текстах социальных медиа, сохраняется тенденция к корректному цитированию текстов высокой культуры, которую можно обозначить как попытку интеллектуально-образного и многомерного «осмысления» культурного знака с целью использовать его как важное средство аргументации или образности, имеющее воздействующую силу.

Так, например, статья журналиста Андрея Дмитриева «Украина достается Достоевскому» («Известия», 17.09.2015) изобилует отсылками к произведениям писателя (пример 1).

(1) *«Украина — это местность, где востребован «достоевский надрыв стукачей», где капитаны лебядкины становятся авторами концепций национальной безопасности, где «убивец» — это не предосудительно и вовсе не укор» ... Вместе с тем Достоевский понадобится Украине в ближайшее время. Причем именно той ее части, которая картинно отмахивалась от этой культурной ветки и зарекалась смотреть в эту сторону. Пациент будет требовать шенгенскую визу, но придется довольствоваться галоперидолом: вот тебе «Преступление и наказание», вот тебе «Бобок». <...> Вариант «путем Раскольникова» для отдельно взятого украинца означает: зарыть топор АТО, ужаснуться, раскаяться, попробовать жить с этим дальше. <...> Там, где активировать совесть не удастся, на повестке дня оказывается ее «свидригайловско-суицидальный» тип. В худшем варианте это «путь Смердякова», эволюционировавшего в серийного маньяка из «Торнадо» и «Азова». <...> Здесь вот-вот восторжествует теория Шигалева...*

А что как не аллюзия на **Крафта** — рассуждения Анатолия Стреляного о том, что украинская нация выращивается в нынешней войне? <...> Мысли не новые — и трансплантированы в украинский материал прямоком из **достоевского «Подростка»** <...> Украина — это страна, где вошедший в раж **Петруша Верховенский** превратился в болезненного **игрока**, который не остановится, пока не израсходует весь человеческий ресурс. <...>».

Перед нами пример текста, вся идейно-образная структура которого обусловлена прецедентным рядом: цепочка прецедентов из разных произведений Достоевского и производных от них (*свидригайловско-суицидальный*) рисует субъективную аксиологическую картину современной Украины. Опора на авторитет национального гения заявлена уже в заголовке «Украина достается Достоевскому», где лексическое значение глагола *доставаться* ('переходить, поступать в чье-л. распоряжение, в собственность кого-л.') в контексте очевидной из последующего текста метонимии (Достоевскому — героям Достоевского) сразу задает необходимую тональность и смысл: Украина «отдается» отрицательным героям писателя (Смердяков, Раскольников с неизменным атрибутом — топором и раскаянием, Шигалев и Верховенский из «Бесов» и даже эксплицированная аллюзия на менее известный роман «Подросток» и одного из его героев — Крафта) на «порушение». Это яркий пример «цитатного письма» как характерного признака постмодернистской парадигмы публицистического медийного текста [3. С. 14].

Все прецеденты с источником «русская классическая литература» традиционно отражаются в современной массовой культуре как ее *прецедентный мир*¹ — связанная единым гипертекстом «совокупность прецедентных феноменов, объединенных между собой как одна большая сфера-источник для неограниченного количества сфер-мишеней»² [4. С. 39]. В массовой культуре происходит освоение *прецедентных миров* как хранилища культурных знаков. В *прецедентный мир* включается рецепция Ф.М. Достоевского в разных видах искусства — кино, театре, живописи, однако они остаются вне зоны нашего исследования, как и проблемы «псевдопрецедентности», которая тоже имеет место, когда речь идет о цитировании классиков русской литературы в эпоху фейков и игровых стилизаций. Очевидно, что *прецедентный мир* в современном коммуникативном digital-пространстве имеет в том числе мультимодальный характер. Однако исследование невербальных семиотических кодов лишь частично затрагивается в данной статье при анализе такого жанра, как демотиватор (интернет-мем).

Для «медиационирования» в широком смысле важным оказывается и то, что в *прецедентный мир* Ф.М. Достоевского включаются не только тексты писателя, но и факты биографии и психологические черты его личности,

¹ См. подробнее об этом в работах Л.В. Балашова, В.В. Красных, Г.Г. Слышкина.

² Сфера-мишень «представлена неограниченным и постоянно пополняющимся количеством контекстов-интерпретантов: тексты, инициирующие сетевое общение, — блоги, посты, демотиваторы, gif-иллюстрации и т.д., и различного рода комментарии к ним» [4. С. 56].

которые также становятся предметом тиражирования в сниженных, комических и игровых, а иногда и в аналитических контекстах-интерпретациях.

Таким образом, объектом нашего анализа является вербальная составляющая *прецедентного мира* Ф.М. Достоевского в медиасфере, формы и способы ее отражения в современном пространстве профессиональных и социальных медиа. Цель анализа обусловлена необходимостью вывить наиболее востребованные прецедентные знаки со сферой-источником «Ф.М. Достоевский», показать противоречивый характер использования таких знаков, связанный со способами их трансформации как в лингвистическом, так и этическом контексте.

Материалом исследования послужили медиатексты со сферой-источником «Ф.М. Достоевский», полученные методом ручной выборки, а также с помощью данных Национального корпуса русского языка³. Спектр медиаизданий разного уровня и различной идейной направленности достаточно широк — от «Коммерсанта» и «Независимой газеты» до «Новой газеты» и «Правды». Кроме того, материалом послужили данные соцмедиа — блоги, соцсети (открытые группы), каналы видеохостингов и интернет-мемы. Отметим, что за рамками данной статьи остаются такие профессиональные жанры, как литературная и театральная критика. Общелингвистические и специальные методы исследования включают интертекстуальный анализ прецедентных знаков, контекстуальный, лексико-семантический и функционально-стилистический подходы, а также методы семантической и прагматической интерпретации.

Теоретическую базу сформировали исследования по прецедентности и прецедентным текстам (Ю.Н. Караулов [5], Е.А. Нахимова [6] и др.); по интертекстуальности в медиадискурсе (С.И. Сметанина [3]); по медиалингвистике и стилистике медиатекста (Л.Р. Дускаева [7]); по языковой игре в контексте комического и лингвоэтике медиатекста (Е.В. Выровцева, Е.А. Щеглова [1], Н.С. Цветова [2]); по лингвокультурологии (В.В. Воробьев [8]), а также статьи о языке, поэтике и философии Ф.М. Достоевского (И.Л. Волгин [9], В.Н. Захаров [10], Н.Л. Чулкина [11] и др.).

Результаты исследования

Значение текстов Ф.М. Достоевского в современном социокультурном контексте

Известно, что характерной чертой русской культуры является ее литературоцентричность: произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского сохраняют связь с той духовной традицией, которая составляет ценностное ядро российской культуры, они «канонизированы нашим культурным сознанием» [9. С. 642] и участвуют в формировании национальной картины мира и лингвокультурного тезауруса.

³ Данные приведены по медийному и газетному корпусам за период до 2019 года, т.к. за 2020—2021 годы данные не размещены.

Ф.М. Достоевский — писатель, сумевший отразить в своих произведениях кризисные состояния человеческого сознания, является одной из ключевых фигур в истории русской и мировой культуры. Творчество писателя неизменно остается объектом изучения в литературоведении и в лингвистике. В конце XX века в работах Ю.Н. Караулова было начато исследование языковой личности писателя и лексикографическое описание языка его произведений [5], результатом чего стал Словарь языка Достоевского ([11; 12] и др.), а также его идиостиля (см., например, [13]). Связь языка, культуры и личности с позиции рецепции творчества Ф.М. Достоевского можно рассматривать в лингвокультурологическом аспекте как «изучение механизмов воплощения и межпоколенной трансляции стереотипов национального мировидения в обыденном сознании, а также поэтапную реконструкцию культурных установок и характерологических черт менталитета народа» [8. С. 218].

Одной из основных особенностей современной художественной и медиа словесности является ее интертекстуальность — гипернасыщенность знаками высокой культуры, в частности цитатами, образами, ситуациями из русской классической литературы (см. об этом, например, [14]). Тексты Ф.М. Достоевского (как и других «хрестоматийных» классиков русской литературы)⁴, являются «игровым полем» эпохи постмодернизма — прецедентные феномены разного рода (образы, высказывания, ситуации) существуют в нем как живой «семантический знак» (И.Л. Волгин [9]), с помощью которого в контексте современной медиакультуры происходят бесконечные идейно-образные трансформации.

Подобная «репринтность» связана с творчеством тех русских писателей, хрестоматийный статус которых официально закреплен в образовательном стандарте, прежде всего в школьном. Еще в средней школе формируются такие стереотипы русской литературы, как «отношения» Герасима и Муму, Онегина и Ленского, Онегина и Татьяны, Маши и Дубровского, Тараса Бульбы и Андрея, Раскольников и старухи-процентщицы, Раскольников и Сони и др. В этом ряду творчество Ф.М. Достоевского занимает свое особое место как «текстовая концептосфера» [16], код русской культуры, как ее национальный архетип, «внутренний смысл языка ... и существует не только как историческое явление, но и как неотменимый семантический факт» [9. С. 656].

Широкое цитирование текстов Ф.М. Достоевского в масс-медиа обусловлено особенностями социально-культурной перцепции русского языкового сознания, которое активно формируется уже на школьной скамье. Это обусловлено несколькими обстоятельствами.

- Творчество писателя является самым сложным из изучаемых в рамках школьной программы по литературе явлений духовного порядка и предлагается для осмысления подросткам с еще не сложившейся системой

⁴ В начале века (данные 2008 года) среди наиболее актуальных областей прецедентности, формирующихся художественной литературой XIX века, Ф.М. Достоевский занимал четвертое место по цитируемости (после А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и А.С. Грибоедова) в русском дискурсе печатных СМИ (см. [15]).

нравственных ценностей. В идейно-духовном плане феномен Ф.М. Достоевского сложнее, чем феномен Л.Н. Толстого, в творчестве которого нравственные критерии добра и зла оказываются вполне определенными и, главное, связанными с такими ценностями национального самосознания, как Отечественная война 1812 года и Бородинское сражение.

- Важной частью образовательных программ становится биография писателя, в школе представленная в основном как его «творческий путь». Сфера прецедентности в массовой культуре отличается актуализированным интересом к «подробностям» личной жизни писателя, особенностям его личности, которые можно обсуждать как «жареные факты»: Пушкин — гуляка, забияка, игрок; Гоголь — человек с большими странностями, сомнительный в сексуальном плане и был похоронен заживо и т.п. Противоречивая мифология жизни Ф.М. Достоевского сложилась еще в XX веке — эпилептик, каторжанин, игрок, определенные сексуальные пристрастия, но лишь в конце века эти факты становятся в России не только предметом открытого научного обсуждения (см., например, [17] и др.), но и расхожим фактом в публичной коммуникации.

- В цифровой медиасреде активно тиражируются массовые стереотипы жизни писателя, не ограниченные элементарными нормами этики, однако в некоторых случаях они могут быть вполне оправданы контекстом (примеры 2 и 3):

(2) *«Антисемит, развратник и игроман — в чем современные читатели могут упрекать Достоевского»* (<https://www.buro247.ru/culture>, 11.11.2020);

(3) *«Моисей, Достоевский и другие эпилептики. Как болезнь породила религии, формировала литературу и двигала науку»*⁵ (<https://knife.media/epilepsy>, 21.08.2018).

Очевидно, что такие эпатажные заголовки медиатекстов не нуждаются в дополнительных комментариях.

Вербализация в медиатекстах национальных архетипов свидетельствует «о вращении понятий Достоевского в живую нелитературную речь, об их просачивании в стиль национального мышления, в национальный менталитет» <...>, что «позволяет использовать его как как „шифр“ для характеристики социальных и нравственных явлений» [9. С. 276—277]. Такие фразы, как «слезинка ребенка», «если нет Бога, то все позволено», «тварь я дрожащая или право имею», являющиеся традиционными нравственными кодами русской культуры, сегодня растиражированы «в цифре» с разной степенью осознанности (примеры 4, 5 и 6):

(4) *«Стоит ли „Минута славы“ слезинки ребенка»* («Комсомольская правда», 04.03.2017);

(5) *«XXI век — эпоха не только эгоистов, но и режиссеров, зацикленных на частном опыте, даже эпические полотна выстраивающих вокруг слезинки конкретного ребенка, индивидуального переживания»* (lenta.ru, 10.10.2016);

⁵ В данной статье все примеры даны в авторской редакции.

(6) «*Слеза ребенка*» как аспект политики прежде всего / В чем смысл войны законов между Россией и США?» (Око планеты, 24.12.2012).

Ф.М. Достоевский для русской культуры — не только писатель и мыслитель, но и обличитель несправедливого социального устройства — защитник «униженных и оскорбленных», «бедных людей», «кротких», которые не могут за себя постоять [11], поэтому востребованные прецедентные знаки активно функционируют в качестве оценки современных социальных реалий, не только российских, но и зарубежных (примеры 7 и 8):

(7) «*Бог забыт. А когда Бога нет, то все дозволено: Пушкин намекнул на раскол в США*» (о массовых протестах с погромами, которые начались в США после гибели в процессе задержания афроамериканца Джорджа Флойда («Царьград», 03.06.2020));

(8) «*Слезинка ребенка. / Тирану, дорвавшемуся до власти, многое сходит с рук. Но большая ошибка диктатора — покушаться на самое дорогое: на детей*» (об убийствах подростков по приказу президента Центральноафриканской Республики Бокассы I — (kiozk.ru)).

Таким образом, в медиакulturе идейная и философская составляющие творчества Ф.М. Достоевского, представленные целым рядом широко известных прецедентов, часто используются в качестве аргументации: например, в жанре интеллектуального интервью он характеризуется общей апперцепционной базой интервьюера и интервьюируемого, то есть системным запасом знаний, в том числе — и в области культуры. Аксиологическая апперцепция играет важную роль в осмыслении современным человеком нравственных кодов русской литературы. Проанализируем фрагмент интервью с художественным руководителем Александринского театра Валерием Фокиным, где обсуждается режиссерская концепция нового спектакля о Сталине. Театральная постановка осмысливается в фокусе коренных вопросов бытия (пример 9):

(9) [Валерий Фокин] *Но вот что меня очень интересует — как он постепенно приходит в юности к мысли, что имеет право быть заместителем Бога.*

[Марина Токарева] *Сам себе отвечает на раскольниковский вопрос?*

[Валерий Фокин] *Только без всяких сомнений: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» — Да, имею! <...> Он потом <...> спал с 13-летней в какой-то ссылке...*

[Марина Токарева] *По стопам Ставрогина* («Новая газета», 20.04.2018).

Очевидно, что и интервьюер, и интервьюируемый в ходе диалога апеллируют к текстам Ф.М. Достоевского. Обратим внимание на то, что словосочетания с прилагательными *раскольниковский*, *смердяковский*, *карамазовский*, *свидригайловский*, легко образующиеся по продуктивным моделям от прецедентных онимов, достаточно широко распространены в медиатекстах (пример 10):

(10) — *Почему новые русские, которые плоть от плоти народа, так старательно держат дистанцию между народом и собой? — Это естественно:*

смердяковский комплекс, психология выскочки» («Аргументы и Факты», 30.08.2000).

В этом популярном сегодня как никогда жанре медиакультуры прецедентный знак проявляет семантическую гибкость — остается прочно связанным с текстом-источником, хотя его содержание может упрощаться или индивидуально переосмысляться, так как прецедентный знак как вторичный всегда функционирует в составе конкретного текста.

Однако даже профессиональные и известные журналисты далеко не всегда соблюдают этику цитирования. Некорректное обращение с прецедентным знаком высокой культуры может стать чертой языковой личности, точнее, ее речевого портрета или, скорее, речевой маски. Намеренное и шокирующее нарушение этики — черта «фирменного стиля» Александра Невзорова как медийной личности, любимыми «приемами» которой являются цинизм, сарказм и эпатаж (пример 11), что совсем не исключает глубокого прочтения им в молодости текстов великого писателя:

(11) «*Оля, понимаешь, идиоты хороши только в романах фанатика и педофила Достоевского*» (из интервью Ольге Журавлевой, 23.12.2020).

Интерес к творчеству Ф.М. Достоевского в целом остается неизменным и даже растет, о чем свидетельствуют не только современные театральные постановки, экранизации, часто изменяющие авторский текст и концепцию до неузнаваемости⁶ (что сегодня является почти неизменным условием жизни любого классического произведения), но и относительно новая тенденция к использованию прецедентных знаков в городской номинации: ресторан «Идиот» на набережной Мойки в Петербурге с воссозданием интерьеров квартиры Епанчиных; служба доставки «Dostoevский» с очевидной игрой слов, графической (смещение латиницы и кириллицы) и вербальной (парономазия).

Анализируя цитирование в медийной культуре начала XXI века, С.И. Сметанина отмечает, что одна из важнейших тенденций постмодернизма — «преодоление границ между массовым и элитарным» [3. С. 88], «переориентация эстетических установок, которая как бы стирает грань между высокой и низкой литературой и культурой» [18. С. 165]. С одной стороны, это популяризирует высокую культуру, а с другой — предлагает ее «суррогат», что неизбежно приводит к обострению проблем этики.

Разновидности прецедентного культурного знака и его активность в современной медиакommunikации

Среди произведений Ф.М. Достоевского самым востребованным с точки зрения массового цитирования текстом-источником является роман «Преступление и наказание»: на первом месте (что вполне ожидаемо) — образ главного героя Родиона Раскольникова и широко известная фраза

⁶ «Измененный текст часто содержит слухи, сплетни, мифы, которые навязывают масс-медиа и социальные сети» [10. С. 8].

«*тварь ли я дрожащая или право имею*»⁷. В роли самостоятельных прецедентных знаков, как правило, выступают словосочетание *тварь дрожащая* и предикативная единица *тварь я дрожащая или право имею*... Показать динамику употребления этих единиц позволяют данные газетного корпуса НКРЯ (Национальный корпус русского языка) с 2000 по 2019 год, объединенного с корпусом региональной и зарубежной прессы (временные рамки текстов — 1996—2013 годы), которые подтверждают их активное цитирование как в каноническом, так и в трансформированном виде с 1995-го года. Пик активности приходится на период после 2008 года и сохраняется вплоть до 2019 года. Это общая тенденция, при этом следует отметить, что далеко не все известные издания отражены в НКРЯ, однако материал, дополненный методом сплошной выборки, ее подтверждает.

Среди прецедентных образов романа самыми цитируемыми, помимо Раскольников, являются также образы Сони Мармеладовой, Порфирия Петровича, Мармеладова, Алены Ивановны, за которыми в массовом сознании закрепляются устойчивые характеристики: Раскольников — убийца, Соня — кроткая девушка «с пониженной социальной ответственностью», проститутка; Порфирий — вездливый следователь, Мармеладов — горький пьяница, Алена Ивановна — противная старуха и ростовщица (примеры 12, 13 и 14):

(12) «*Ишимский Родион Раскольников из-за долгов убил старушку топором и спрятал ее тело в погреб*» (72.ru, 16.02.2018);

(13) «*„Быстрые деньги“ в 6 раз беспощаднее старухи-процентщицы Достоевского*» («Life», 18.06.2016);

(14) «*Вспомним хотя бы роман Достоевского „Преступление и наказание“, где наравне с убийцей Родионом Раскольниковым описан горький пьяница, философ алкоголя Мармеладов. Похороны пьянчуги, который оставил семью без всяких средств к существованию, толкают его дочь Сонечку на панель...*» (ria.ru 29.06.2006).

Обратим внимание на то, что в одном контексте предложено «толкование» нескольких персонажей романа: Раскольников — убийца, Сонечка — проститутка, а Мармеладов — пьяница, причем мотив пьянства варьируется в синонимическом ряду — *пьяница, пьянчуга, философ алкоголя*, в котором последнее определение очень точно отражает именно философию пьянства в монологах Мармеладова.

Однако следует отметить, что сегодня список произведений, которые выступают источником цитирования в прямом и трансформированном виде,

⁷ Фраза вариативно употребляется в самом романе: «*Велит Аллах, и повинуйся „дрожащая“ тварь!*»; «*Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!*»; «*Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...*».

пополняется⁸ — актуальными являются имена и фамилии героев других романов Ф.М. Достоевского: «Братья Карамазовы» (Смердяков, Федор Карамазов), «Бесы» (Николай Ставрогин, Петр Верховенский), «Идиот» (князь Мышкин, Настасья Филипповна). Смердяков — подлый отцеубийца, Федор Карамазов — распутник, а Настасья Филипповна — роковая (в современных реалиях — сексуальная) женщина и содержанка (примеры 15 и 16):

(15) «**Настасья Филипповна или история одного сексуального абьюза**» (b17.ru, 04.11.2017);

(16) «*Россия — как те самые «роковые женщины» Федора Достоевского, как героини его романов: **Настасья Филипповна или Грушенька***» (<https://iz.ru/news/533445>).

Сложная и противоречивая картина, естественно, обнаруживается при интерпретации образа князя Мышкина: божий человек, чудак, идиот, эпилептик⁹ (примеры 17, 18 и 19):

(17) «*Подобно Достоевскому, режиссер пытается дать образ „положительно прекрасного человека“ — Сноуден похож на князя Мышкина и своей эпилепсией, и очень русскими поисками справедливости, и даже внешностью*» («Комсомольская правда», 15.09.2016);

(18) «*Лабораторный „князь Мышкин“ против эпилепсии*» (статья о лечении генетических форм эпилепсии, основанном на исследовании «подвида лабораторных мышей («Правда», 05.08.2009)) — контекст метонимического переноса;

(19) «*И при этом меньше всего Эраст Петрович похож на героя „Идиота“, хрупкого, нервного, практически святого*» («Комсомольская правда», 20.05.2016).

В основе прецедентного образа лежит антропоним, являющийся своего рода «именем-символом, указывающим на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [20. С. 10]; см. об этом также [6]. На это указывают и образованные от них по продуктивной модели (если производящая основа это позволяет) абстрактные существительные со значением ‘негативные общественные явления, политические течения’ [21. С. 64]: *смердяковщина, карамазовщина, мармеладовщина, свидригайловщина, ставрогиновщина, шигалевщина* или яркие окказионализмы типа «*соня-мармеладовщина*» и «*порфириепетровщина*» (пример 20):

(20) «*Отсюда и все остальные коллизии, свидригайловщина и порфириепетровщина ...*» («Живой журнал», 13.03.2017).

Однако, как видно из приведенных примеров, в имени-прецеденте не в полной мере реализуется содержание имени-источника, что объясняется обеднением известного культурного знака в медиапотоке, связанным с его

⁸ Так, антропоним *Смердяков* в период с 1988 по 2000 год употребляется в три раза реже, чем в период с 2000 по 2016.

⁹ «Положительно прекрасный человек» предстает в виде «идиота», «чудака», «дурака», «юродивого», «сумасшедшего», «олуха», «пентюха» и т. п.» [19. С. 95].

широким цитированием: часто эксплуатируется лишь «фабульное» содержание образа-источника.

Естественно, что несколько иная картина наблюдается с прецедентными именами, менее цитируемыми. К ним относятся антропонимы романа «Бесы» — *Ставрогин* и *Верховенский* (по данным газетного корпуса НКРЯ, прецедентное имя «Ставрогин» употребляется в 38 документах, имеет 60 вхождений за период с 2000 по 2018 год). Имя Николая Ставрогина употребляется часто в контексте политической рефлексии — как в тексте статьи, так и в заголовках, а также в комментариях интернет-аудитории. Последние — как отдельный жанр социальных медиа — представляют особый интерес с точки зрения функционирования в них знаков высокой культуры, так как комментарии «обезличенного» адресата в некоторых случаях могут оказаться более значимыми, чем содержание предложенного текста: «*Николай Ставрогин — красивое и безобразное, куда ни глянь*» (комментарий читателя к статье «Израильский музей оказался огромной бетонной свастикой» (lenta.ru, 05.12.2017)).

Прецедентные имена могут быть связаны с широко известными прецедентными высказываниями: например, фраза «*тварь ли я дрожащая или право имею*» — с образом Раскольникова. Однако чаще эта связь оказывается неактуализированной: в массовом языковом сознании прецедентные высказывания «*красота спасет мир*», «*если Бога нет, то все дозволено*», «*слезинка ребенка*», «*поле битвы — сердца людей*» часто не соотносятся ни с именем конкретного персонажа, ни даже с самим произведением. Именно поэтому такие амбивалентные прецедентные высказывания — «канонические» и трансформированные — могут использоваться в совершенно разных контекстах (примеры 21, 22, 23 и 24):

(21) «*Если Бога нет, то все... относительно*» (о теории относительности А. Эйнштейна («Независимая газета», 25.11.2015));

(22) «*Кино: поле битвы — сердца и умы людей*» (<https://kprf.ru/activity/culture/119155.html>, 02.06.2013);

(23) «*А потом на уроках чуть не до драк доходящие споры о том, вошь ли я дрожащая или право имею и т.п.*»¹⁰ («Новая газета», 18.02.2018);

(24) «*Ну что, красота. Мир спасем или людей напугаем?*» (интернет-мотиватор).

В качестве известных прецедентов используются и названия произведений Ф.М. Достоевского — «Униженные и оскорбленные», «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Записки из подполья», «Село Степанчиково и его обитатели» и другие (примеры 25, 26, 27 и 28):

(25) «*Униженные, оскорбленные, довольные / Размышления у парадного подъезда РАН*» («Аргументы», 28.12.2020);

(26) «*Бедные люди: сами виноваты или жизнь такая*» («Комсомольская правда», 24.08.2019);

¹⁰ Интересно отметить, что прецедентный композит «вошь дрожащая» обнаруживается в НКРЯ.

(27) *«Записки из подполья. Специальный репортаж»* (об украинских «диссидентах», не поддерживающих позицию официальной власти («Вести», 26.07.2014));

(28) *«Бобок. Литературные рассуждения о российской политике / Григорий Ревзин — в подражание Федору Достоевскому»* (<https://republic.ru/app.php/posts/74814>, 14.10.2016).

Они обладают определенным уровнем цитирования в медиасреде, используются не только в заголовочных комплексах, но и в тексте статьи (пример 29) — в данном случае присутствие прецедентного знака оправдано общим контекстом обсуждения вопроса о диффамации:

(29) *«Быть униженным и оскорбленным иногда чрезвычайно полезно. Мы собрали самые любопытные дела о диффамации — оскорблении, смываемом только деньгами»* (https://www.maximonline.ru/longreads/get-smart/_article/diffamo, 22.08.2020).

Прецедентный культурный знак как средство передачи информации и оценки

В заголовке, сильной позиции медиатекста, частотны прецедентные знаки разного типа. Это связано с особенностями заголовка — его стилистическими и прагматическими функциями: их шкала разнообразна и часто сводится к экспрессивной функции [22. С. 11—12]. Однако эта тенденция не является тотальной и не распространяется на все медиа: они многообразны, разноплановы и обладают разной степенью лингвистической состоятельности. Прецедентные культурные знаки в заголовке являются средством повышения его информативности в том случае, если связь с источником не утрачена. При этом экспрессивность заголовка также усиливается, так как прецедентные феномены выполняют оценочную функцию в актуальных контекстах социально-политических событий как в России, так и в мире. В некоторых случаях частично актуализируется и социально-философское содержание прецедентного знака, в той или иной степени соотношенное с содержанием конкретного произведения.

Рассмотрим эту соотношенность на примере разных контекстов с именем героя романа «Братья Карамазовы» — Смердяковым, оценочность которого, как одного из самых ярких отрицательных персонажей в русской литературе, очевидна (примеры 30 и 31).

(30) *«Смердяковы наших дней: „России — конец! Какое счастье!“»* (название статьи о людях, которые со злорадством высказываются против своей страны (<https://newsland.com/>, 04.09.2020));

(31) *«Смердяков от слова „смерд“, что значило в Древней и, позднее, в Московской Руси — раб, холоп. Имя нарицательное для человека, который надеется получить материальные блага и благоустроенный общественный быт не ценой собственных усилий, а уже готовыми, из рук иностранцев; который не понимает, что успехи других государств в своем благоустройстве*

имеют причиной как раз то, от чего он спешит отказаться, — развитое чувство собственного достоинства его граждан (презрит.). Отсюда «смердяковица»¹¹ («Смердяковы наших дней / Российские либерал-литераторы поносят Россию в западных СМИ» («Столетие», 17.05.2018)).

Прецедентный оним используется как этически некорректная «козырная карта» в политической полемике; инвективность контекста усиливается разговорно-просторечным глаголом *поносить*. Обратим внимание на то, что фраза «смердяковы наших дней» повторяется в текстах разных изданий — ее можно рассматривать в качестве клишированной (так же, как и «господа смердяковы», «смердяков и братья»).

Инвективность усиливается в контексте «личного выпада» при сужении референции, то есть при сопоставлении в одном тексте имени отрицательного персонажа с именем реального человека (в данном случае известного ведущего и журналиста Сергея Доренко — пример 32):

(32) «*Господа Смердяковы*. <...> „Как Смердяков в прошлом. Или как Доренко в настоящем“» («Известия», 05.10.2001).

Показательными также являются прецеденты-композицы — контексты, в которых объединены в сложное понятие два прецедентных имени собственных в значении нарицательных для усиления оценочности (пример 33):

«„*Карамазовы*“ — роман отменно длинный, но все равно неоконченный, неполный. Вот его и дописывает жизнь. Даже любопытно: чем кончат эти *карамазовы-смердяковы?*» [там же].

О знакомстве журналистов не только с содержанием романа, но и с его концепцией (что далеко не всегда свидетельствует о знакомстве с текстом-источником) свидетельствуют и другие заголовки, которые можно рассматривать как актуальные «социальные отклики» (примеры 34 и 35):

(34) «*Разве США не посылают им одобрительный кивок, как Иван Карамазов — Смердякову?*» («Известия», 13.01.2014);

(35) «*Смердяков и братья* — к Дню Победы / А у нас раскручивается и назревает веселый коммерческий карнавал, безвкусный и бесстыдный, словно состряпанный рекламным агентством «Смердяков и братья» («Новая газета», 11.05.2016).

Кроме того, содержание культурного знака может усложняться за счет соединения прецедентов из двух и более источников — актуализированных в русском языковом сознании художественных текстов (пример 36):

(36) «*Вперед, в позавчера! Зовут нас современные смердяковы и лоханкины*»¹² (о группе граждан, подписавших открытое обращение в Совет Европы с призывом о срочном проведении правовой экспертизы поправок к Конституции России).

¹¹ Этимология литературного имени не отражена пока в Словаре Достоевского, поэтому значение дается по Энциклопедическому словарю крылатых слов и выражений [23].

¹² Васисуалий Лоханкин — персонаж известного и популярного в советское время романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

Идейная направленность заголовка усиливается в тексте статьи и поддерживается еще одним прецедентным знаком (пример 37):

(37) «*Эти «записки из подполья» — ни что иное как дешевый графоманский памфлет. <...> Эдакая мутная смесь смердяковщины и синдрома Вассисуалия Лоханкина в треснувшей стеклотаре из-под американского виски. Но только не позиция гражданского общества России*» («Комсомольская правда», 21.04.2020).

Уже отмеченные выше культурные знаки, которые являются «продуктом» массового цитирования (названия произведений¹³ и прецедентные высказывания), часто выносятся в позицию заголовка, в котором их информативность усиливается за счет лексических трансформаций — (1) в примере 38, а их оценочная функция эксплицируется в подзаголовке — (2) в примерах 38 и 39:

(38) «*Наступление (1) и наказание / Санкции как необходимый инструмент американского государственного влияния (2)*» («Россия в глобальной политике», 13.10.2015);

(39) «*Спасет ли красота мир? (2) По поводу агрессии Грузии в Южной Осетии и Абхазии* (название научной статьи (Вестник Томского государственного университета, 2009).

Стоит обратить внимание на то, что в последнем контексте (см. пример 39) слово *мир* конкретизируется в духе толстовской антиномии — ‘состояние без войны’. Отсылка к автору текста-источника не является обязательной, но, безусловно, усиливает «идентификацию» знака потенциальным адресатом (пример 40):

(40) «*Есть люди, которые хотят исторического успеха своей стране, а есть те, кто ведет себя как Смердяков, персонаж Достоевского*» (в статье «Где вы все это читаете — про «великую державу»? («Профиль», 04.12.2014)).

Как составляющую «прецедентного мира» можно рассматривать и окказионализмы, образованные от прецедентных онимов (пример 41):

(41) «*Одним миром карамазаны*» / *Лев Додин поставил постдраматического Достоевского*» («Коммерсантъ С-Петербург», 15.12.2020).

Языковая игра отсылает читателя к известному прецедентному высказыванию «*одним миром мазаны*» и актуализирует структурное сближение фамилии Карамазов и образованного от нее потенциального глагола *карамазать* (*карамазовать*): «*мазаны — карамазаны*» (*Карамазов — карамазать — карамазаны*). Подобная языковая игра не нарушает этических норм, а напротив, реализует эстетическую функцию слова, образованного от прецедентного онима. Подобное отношение к культурному знаку в целом характеризует уровень лингвистической компетенции и этической состоятельности аналитических изданий уровня газеты «Коммерсант», «Независимой газеты», журналов «Профиль» и «Форбс» и др. [24].

¹³ Названия произведений рассматриваются нами как разновидность прецедентных имен.

Прецедентный культурный знак в социальных медиа

Вопрос о том, как соотносятся интернет-пространство и медиапространство, остается открытым. Мы рассматриваем Интернет как составляющую медиапространства, имея в виду ту его часть, которая связана с социальными сетями и относится исследователями к социальным медиа [25 и др.]. С точки зрения адаптации и трансформации знаков «высокой» культуры, здесь наблюдаются те же явления — прецедентные феномены указанных типов, их прямое цитирование или структурно-семантические трансформации, высокая активность прецедентных «клише» со сферой-источником «Ф.М. Достоевский», однако специфика блогосферы, как известно, состоит в реализации игровой функции языка и функции комического. Это оказывает влияние на характер и объем трансформаций прецедентов и, как результат, часто приводит к их этическому обесцениванию, особенно в тех случаях, когда предмет обсуждения в блогосфере становятся факты личной жизни писателя: «Адский секс Федора Достоевского» («Живой журнал», 23.02.2016). Об этической составляющей подобных обсуждений, целью которых становится эпатаж, говорить не приходится.

Остановимся здесь на таких известных игровых формах интернет-коммуникации, как никнеймы и интернет-мемы (демотиваторы).

Известно, что одной из форм игры с прецедентностью в блогах становятся никнеймы (никонимы) [26]. В комментариях блогеров встречаются метаязыковые высказывания, в контексте которых раскрывается мотивация выбора того или иного прецедентного имени собственного в качестве «ника» (блогеры «Лев Мышкин», «Ставрогин»), хотя очевидно, что функция аттракции здесь, как правило, преобладает, для чего используется и трансформация прецедентного имени («Павел Федорович Смердяков»), и латиница («N. Stavrogin»), и широко известный атрибут убийства («Топор Раскольникова»). Метаязыковое высказывание может подчеркивать саму принадлежность к сфере литературы — «Брат Карамазова» («Интересное о языке и литературе»), отражать соотнесенность с содержанием произведения — «Сонечка Мармеладова» («Он в СИЗО. Этот блог создан для того, чтобы мне было проще сидеть в квартире <...>, — муж находится под следствием, тюрьма не приходит одна») («ЯндексДзен») или профессиональную соотнесенность образа с современной действительностью — «Порфирий Петрович» («Рассуждения человека из системы о праве, судах и юстиции в России») («ЯндексДзен»).

Использование другого класса имен собственных — названий романов Ф.М. Достоевского в определенной последовательности — широко известно в жанре фразы-анекдота: «Сначала Идиот, потом Игрок, потом Преступление и за ним наказание». Однако подобная «цепочка» может выполнять и просветительскую функцию, являясь способом привлечения внимания к произведениям великого классика в соцсетях (пример 42):

(42) «Идиот! Подросток! Игрок! Нет, это не вам! Это у нас появилось полное собрание сочинений Достоевского!» (пост в паблике московского социального проекта в соцсети «ВКонтакте» (https://vk.com/wall-82748482_5761)).

Прецедентное высказывание «*тварь я дрожащая или право имею*» является (в силу указанных выше очевидных причин) одной из наиболее тиражируемых в пространстве соцсетей (и шире — Интернета), где она обладает высокой активностью, подвергается разного рода трансформациям, так как используется как средство оценки социальных явлений разного спектра, и приобретает функцию отдельного гиперэкспрессивного средства самооценки в форме риторического восклицания (примеры 43 и 44):

(43) «„*Тварь я дрожащая или права имею!*“ Часть 2. *Рабская сущность человека*» (<https://www.youtube.com/watch?v=YA13p8l-4wY>);

(44) «*Тварь я дрожащая или право имею?!*» (вебинар о психологических аспектах влияния людей друг на друга (<https://www.youtube.com/watch?v=X3qfr8lh9KQ&t=602s>)),

а также в функции риторического обращения (пример 45):

(45) «*Ты — не тварь дрожащая! Делай правильный выбор, дружи со мной!*» (депутат Алексей Горбачев о предвыборной кампании в Государственную думу (<https://www.youtube.com/watch?v=GX5BjJMMPmA>));

Языковая игра на грамматическом уровне (оппозиция ед.ч. — мн. ч.), в основе которой лежит лексикализация формы множественного числа абстрактного существительного *право*, позволяет актуализировать вполне конкретную для владельцев автомобилей ситуацию: «*Дарим автошколам идею слогана: автошкола «Достоевский» — тварь я дрожащая или права имею?*». С помощью различных игровых приемов (например, на синтаксическом уровне) конкретизируется не менее известная фраза (практически с полной утратой в массовом сознании связи с источником) «*красота спасет мир*»: ее лексико-синтаксическое расширение в сочетании с приемом парцелляции позволяют создать эффект «обманутого» ожидания (пример 46):

(46) «*Красота спасет мир. Только внутренняя, а не ваши брови нарисованные*» (<https://idaprikol.ru/picture/krasota-spasyot-mir-tolko-vnutrennyaya-a-nevasi-narisovannye-brovi-iJi81qLl6>).

В демотиваторах, известных как интернет-мемы [27], широко используются различные культурные знаки, чаще всего как комическое средство формирования представления о конкретном событии, определения его места в культурном и историческом контексте времени. Как правило, интернет-мем имеет поликодовый характер, и в этом случае, как известно, для выражения смыслов используются разные семиотические коды. Так, в одном из интернет-мемов изображение самолета, заходящего на посадку в аэропорт Пулково (об этом говорит надпись на здании аэропорта имени Достоевского), сопровождается прецедентным высказыванием с лексическим расширением в позиции дополнения (пример 47):

(47) «*Диспетчер! Тварь ли я дрожащая или право имею на посадку?*» (<https://olga1982a.livejournal.com/3043919.html?view=10085199>).

Интернет-мемы часто представляют собой остроумную шутку по тому или иному социальному поводу — в ее основе лежит прецедентная ситуация, содержание которой передается только визуальным семиотическим кодом. Так, в интернет-меме «Досрочное погашение микрокредита» (<https://idaprikol.ru/picture/dosrochnoe-pogashenie-mikrokredita-f8DNtitP8>) опосредованная отсылка к источнику происходит на визуальном уровне: Раскольников с топором склоняется над убитой старухой (кадр из известной экранизации романа 1969 г.), при этом вербальная составляющая представляет собой пародию на слоган банковской рекламы, а культурный код отсылает к ставшей классической экранизации Льва Кулиджанова.

Заключение

Многообразие интертекстуальных связей современной коммуникации проявляется в бесконечном разнообразии смысловых и формальных отсылок к значимым для национальной культуры произведениям искусства. Особенно наглядно и интенсивно этот «обмен» происходит в медиасреде: прецедентные знаки высокой культуры активно функционируют в современных медиатекстах, оставаясь актуальной формой постмодернистского «цитатного письма» — типичной еще для постсоветских медиа. В аналитических СМИ их орнаментально-экспрессивная функция интеллектуального «украшения» авторского текста сосуществует с оценочно-аргументативной, широко востребованной при анализе общественно значимых актуальных событий.

Это в полной мере относится к прецедентным культурным знакам, источником которых являются не только произведения Ф.М. Достоевского (их названия, тексты, образы, ситуации и предметы-символы) и те идейные, философские и общественные взгляды писателя, которые в них отражены, но и сама биография писателя. По данным НКРЯ и сплошной выборки, прецеденты этой сферы-источника часто используются как профессиональными, так и непрофессиональными создателями медиатекстов в качестве смыслообразующего средства аргументации своей позиции в общественно-политических изданиях, доминантой стиля которых является выражение социально-идеологической оценочности.

Последняя в первую очередь связана с теми прецедентными знаками, которые можно считать *хрестоматийными* для данной лингвокультуры. Очевидно, что ими являются прежде всего прецеденты романа «Преступление и наказание», уже не одно десятилетие входящего в школьную программу, а за ее пределами такие известные романы, как «Идиот» и «Братья Карамазовы» — их прочное место в современной массовой культуре обусловлено многочисленными экранизациями и инсценировками. Это неиссякаемая потребность обращения к интерпретации классических текстов средствами другого искусства вполне закономерна в случае обращения к произведениям Ф.М. Достоевского, в которых содержатся культурные коды русской национальной картины мира.

Прецеденты со сферой-источником «Достоевский», функционирующие в СМИ, участвуют в формировании социально-культурного контекста всего медиапространства, его идеологии и аксиологии, одновременно являясь и отражением таких «болевых точек», как социальная несправедливость, духовное обнищание, общественно-политический раскол «патриотов», с одной стороны, и «предателей» национальных ценностей, с другой, что позволяет использовать их как весьма эффективное средство манипулирования массовым сознанием. В контексте духовных ценностей — это поиск (часто «псевдопоиск») высшей справедливости и ответов на вечные вопросы бытия, что приводит к тиражированию таких массовых прецедентных высказываний, как *«тварь я дрожащая или право имею»*. В общественно-политических контекстах в ней можно увидеть одну из экспликаций антитезы идеологием «власть» и «общество», а за пределами аналитических контекстов просто «прецедентное клише».

Очевидно, что в процессе массовой эксплуатации прецедентных знаков происходит обеднение их культурных и идеологических смыслов — искажение, размывание, и не только в случаях той или иной его трансформации, но и при использовании в канонической форме. Этика использования прецедента напрямую связана с эстетикой: лишь в определенных случаях можно говорить о полноценной реализации эстетической функции культурного знака, участвующего, например, в порождении метафорических смыслов законченного текста. Такой эстетизм можно обнаружить в жанре рецензии на экранизации и театральные постановки, в профессиональной и непрофессиональной литературной критике, для которых характерен более высокий уровень культуры цитации.

Однако профессиональные медиа сегодня лишь часть цифрового медиапространства, включающего и социальные сети, и рекламу, и маркетинг — нейминг и брендинг, в которых можно обнаружить примеры игровой спекуляции на массовой узнаваемости хрестоматийного культурного знака. В этой зоне медиапространства прецедентные знаки активно *циркулируют*, становятся предметом простого тиражирования — неким клише, которое полностью утрачивает сложные смысловые и даже формальные связи с источником. В пространстве Интернета множатся современные клоны Родиона Раскольникова — убийцы и маньяки «раскольниковы», девушки с ограниченной социальной ответственностью — «сони мармеладовы», алкоголики «мармеладовы» и предатели Родины «свидригайловы», а в сфере коммерческой номинации заведения типа «Досытаевский» и бургеры «Раскольников».

Невозможность запретить подобные «упражнения» с прецедентными знаками высокой культуры, учитывая в принципе очевидную абсурдность запретов на эксперименты в «игровом поле» современного медиапространства, отнюдь не означает невозможность их обсуждения в рамках такого направления современной русистики, как лингвоэтика. Именно этические грубые нарушения не позволяют во многих случаях оценить такие трансформации

культурного знака, которые используются как яркое комическое средство, эффектный игровой прием, актуализирующий его структуру или смысл. Однако, с другой стороны, игровые приемы, а priori предполагающие свободное обращение с культурными знаками, во многих случаях являются этически и эстетически оправданными в границах креативности «игрового поля». Широкий спектр комических функций прецедентов — от иронии до сарказма и откровенного циничного высмеивания с опорой на авторитет культурного знака, безусловно, нуждается в дальнейшем научном осмыслении и детальном описании.

Библиографический список

1. *Вырощева Е.В., Щеглова Е.А.* Языковая игра как средство комического в современном медиадискурсе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 1. С. 31—40. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.565>
2. *Цветова Н.С.* Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики // Медиалингвистика. 2020. № 7 (3). С. 280—292. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.301>
3. *Сметанина С.И.* Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во Михайлова В.В., 2002.
4. *Кабанков А.И.* Прецедентный мир В. Высоцкого в дискурсе новых медиа: семантико-аксиологический и регулятивный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007.
6. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2007.
7. *Дускаева Л.Р.* Стилистический анализ в медиалингвистике: Монография. М.: ФЛИНТА, 2019.
8. *Воробьев В.В.* Теоретические и прикладные аспекты современной лингвокультурологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 13 (724). С. 217—226.
9. *Волгин И.Л.* Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М.—СПб.: Нестор-История, 2019.
10. *Захаров В.Н.* Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5—20. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5321>
11. *Чулкина Н.Л.* «Обыденная дребедень» бедных героев Достоевского (материалы «Словарю языка Достоевского. Идиоглоссарий») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 390—416. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-390-416>
12. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; главный редактор Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2017.
13. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Фатеева Н.А.* Идиостиль Ф.М. Достоевского: направления изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 374—389. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2374-389>
14. *Трунин С.Е.* Рецепция Достоевского в русской прозе рубежа XX—XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2008.
15. *Боярских О.С.* Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004—2007 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Тагил, 2008.

16. Слышкин Г.Г. Текстовая концептосфера и ее единицы // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: Сборник научных трудов. Редакционная коллегия: В.К. Андреева, В.И. Карасик, Е.В. Мещерякова, О.В. Коротева. Волгоград: Перемена, 1999. С. 18—26.
17. Енко К., Енко Т. Ф. Достоевский. Интимная жизнь гения. Режим доступа: <https://informaxinc.ru/lib/dostoevsky/enko/> (дата обращения: 28.08.2021).
18. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.
19. Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008.
20. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации М.: Гнозис, 2003.
21. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
22. Михеева Е.С. Стилистический прием полисемантики в текстах СМИ: на материале русскоязычных газетных заголовков и рекламных слоганов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2013.
23. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2005.
24. Ремчукова Е.Н., Соколова Т.П. Глава 5. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города // Лингвистика креатива-5: Коллективная монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 327—341.
25. Коняева Ю.М. Номинация персоны как способ передачи саркастической оценки // MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность: Материалы V Международной научной конференции, Челябинск, 24—25 ноября 2020 года. Под ред. А.А. Морозовой. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2020. С. 86—89.
26. Соков А.А. Никоним в виртуальном дискурсе: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Великий Новгород, 2014.
27. Гладкая Н.В. Логоэпистемы в креолизованных текстах интернетдискурса // *Russian Journal of Linguistics*. 2017. Т. 21. № 2. С. 424—437. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-424-437>

References

1. Vyrovceva, E.V. & Shheglola, E.A. (2021). Language play as a means of the comic in modern media discourse. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 43(1), 31—40. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.565> (In Russ.).
2. Cvetova, N.S. (2020). Criticism of media speech as a vector for the development of media linguistics. *The journal Medialingvistika*, 7(3), 280—292. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.301> (In Russ.).
3. Smetanina, S.I. (2002). *Media text in the system of culture (dynamic processes in the language and style of journalism at the end of the 20th century)*. Saint Petersburg: Izd-vo Mihajlova V.V. (In Russ.).
4. Kabankov, A.I. (2017). *The precedent world of V. Vysotsky in the discourse of new media: semantic-axiological and regulatory aspects* [dissertation]. Tomsk. (In Russ.).
5. Karaulov, Yu.N. (2007). *The Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: LKI. (In Russ.).
6. Nakhimova, E.A. (2007). *Precedent names in mass communication*. Ekaterinburg: UrGPU. (In Russ.).
7. Duskaeva, L.R. (2019). *Stylistic analysis in media Linguistics: Monografiya*. Moscow: FLINTA. (In Russ.).

8. Vorob'ev, V.V. (2015). Theoretical and applied aspects of modern cultural linguistics. *The journal Vestnik Moskovskogo Universiteta*, 3(724), 217—226. (In Russ.).
9. Volgin, I.L. (2019). *Nobody's contemporary. Four circles of Dostoevsky*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istorija. (In Russ.).
10. Zakharov, V.N. (2021). The Relevance of Dostoevsky. In: *The Unknown Dostoevsky*, 8(1), 5—20. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5321> (In Russ.).
11. Culkina, N.L. (2021). “Trivial Nonsense” of the Poor Heroes of Dostoevsky (Materials for “Dostoevsky’s Language Dictionary: Idioglossary”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 390—416. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-390-416> (In Russ.).
12. Dictionary of the Dostoevsky language. Idioglossary (2017). Yu.N. Karaulov (Ed.). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
13. Baranov, A.N., Dobrovol'skii, D.O. & Fateeva, N.A. (2021). Idiostyle of F.M. Dostoevsky: areas of study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 374—389. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2374-389> (In Russ.).
14. Trunin, S.E. (2008). *Reception of Dostoevsky in Russian prose at the turn of the XX—XXI centuries* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
15. Boyarskikh, O.S. (2008). *Precedent phenomena from the “Literature” source sphere in the discourse of the Russian print media (2004—2007)* [dissertation]. Nizhnii Tagil. (In Russ.).
16. Slyshkin, G.G. (1999). Textual conceptual framework and its units. In: *Yazykovaya lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki: Sbornik nauchnykh trudov*. V.K. Andreeva, V.I. Karasik, E.V. Meshcheryakova, O.V. Koroteeva (eds). Volgograd: Peremena. pp. 18—26. (In Russ.).
17. Enko, K. & Enko, T. (1997). *F. Dostoevsky. The intimate life of a genius*. URL: <https://informaxinc.ru/lib/dostoevsky/enko/> (accessed: 12.08.2021). (In Russ.).
18. Il'in, I.P. (1998). *Postmodernism from its Origins to the End of the Century: the Evolution of a Scientific Myth*. Moscow: Intrada. (In Russ.).
19. Dostoevsky: Works, letters, documents: Dictionary-reference book (2008). G.K. Shchennikov, B.N. Tikhomirov (Eds.). Saint Petersburg: Pushkinskii Dom publ. (In Russ.).
20. Gudkov, D.B. (2003). *Theory and practice of intercultural communication*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
21. Zemskaya, E.A. (2009). *Word-formation as an activity*. D.N. Shmelev (Ed.). Moscow: LIBROKOM. (In Russ.).
22. Mikheeva, E.S. (2013). *Stylistic technique of polysemantics in media texts: based on Russian-language newspaper headlines and advertising slogans* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
23. Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions (2005). V. Serov (ed.). Moscow: Lokid-Press. (In Russ.).
24. Remchukova, E.N. & Sokolova, T.P. (2020). Chapter 5. Precedent names of culture in the onomastic space of a modern city. In: *Creativity linguistics—5: Collective monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 327—341.
25. Konyaeva, Yu.M. (2020). Naming of a person as a way of conveying a sarcastic assessment. In: *MEDIAObrazovanie: media kak total'naya povsednevnost': Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. A.A. Morozova (Ed.). Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet. pp. 86—89. (In Russ.).
26. Sokov, A.A. (2014). *Nicknames in virtual discourse: linguopragmatic aspect* [dissertation]. Velikii Novgorod. (In Russ.).
27. Gladkaya, N.V. (2017). Logoepestems in Creolised Texts of Internet Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21(2), 424—437. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-424-437> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Ремчукова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лингвистика креатива, медиалингвистика, язык рекламы, нейминг; *e-mail*: remchukova-en@rudn SPIN-код: 2825-0307; Scopus Author ID: 57221116840; ResearcherId: Y-7687-2018.

Кузьмина Луиза Александровна, аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лингвистика креатива, медиалингвистика, теория интертекстуальности и прецедентности; *e-mail*: 1042185164@rudn.ru SPIN-код: 6259-2252.

Information about the authors:

Elena N. Remchukova, Doctor Habil. in Philology, Full Professor, Professor at the Department of General and Russian linguistics, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia); *Research Interests*: linguistics of creativity, media linguistics, the language of advertising, naming; *e-mail*: remchukova-en@rudn

Luiza A. Kuzmina, PhD student at the Department of general and Russian linguistics, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia); *Research Interests*: linguistics of creativity, media linguistics, theory of intertextuality and precedence; *e-mail*: 1042185164@rudn.ru